

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Михаил Люстров

«В веках сохранилась еще одна Ольга...»: образ Екатерины II в шведской литературе XVIII века

The article explores the panegyric compositions of 18th-century Swedish authors, which contain appraisals of the contemporary state of the Russian Empire and the activities of the Russian women monarchs. The paper points out the historical prototypes of Catherine II discovered by the Scandinavian panegyrist, explains their choices and carries out a comparative analysis of Swedish and Russian compositions containing similar analogies.

Key words: 18th century Russian literature, 18th century Swedish literature, Catherine II, Gustav III, L. Holberg.

В статье рассматриваются панегирические сочинения шведских авторов XVIII в., содержащие оценку нынешнего состояния Российской империи и деятельности современных им российских монархинь. Называются обнаруженные скандинавскими панегиристами исторические прототипы Екатерины II, объясняется их выбор и проводится сопоставительный анализ шведских и русских сочинений, содержащих подобные аналогии.

Ключевые слова: Русская литература XVIII в., шведская литература XVIII в., Екатерина II, Густав III, Л.Хольберг.

На протяжении всего XVIII века скандинавские авторы хоть и не часто, но сопоставляли правительниц современной им России с их знаменитыми предшественницами. Некоторые из этих аналогий встречались и в русской литературе, некоторые же появлялись лишь в произведениях шведских и датских писателей. В зависимости от состояния политических отношений между тремя северными странами в качестве прототипов правящей российской монархини выбирались фигуры несомненно положительные или достаточно спорные — хоть и великие, но агрессивные или безнравственные. Интересный материал для подобного исследования содержится в шведских сочинениях густавианской эпохи, содержащих отзывы о Екатерине II.

По господствовавшему в Швеции мнению, в 1772 году страна сбросила российское ярмо, затем отказалась следовать плану императрицы Екатерины II и вместе с Данией и Россией составить антибурбонский союз, а в 1788 г. вступила в тяжелую войну с Россией. При этом Густав посетил кузину Екатерину в Петербурге в 1777 году и до самой своей смерти, случившейся в 1792 году, всячески подчер-

кивал свое к ней расположение. В текстах, принадлежащих Густаву III, встречается значительная, если не большая, часть всех изобретенных или подхваченных шведскими авторами исторических аналогий. Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. он объявил Екатерину II порочной завоевательницей Семирамидой, а после войны, когда российская императрица намеревалась отвести «близкому родственнику и другу», в перспективе же — «союзнику, помощнику и рыцарю» роль вождя общеевропейского похода на революционную Францию — осуществившей Реконкисту добродетельной королевой Кастилии Изабеллой [2, с. 43–47].

В большинстве шведских сочинений густавианской эпохи, созданных до 1788 года, до начала последней в XVIII веке русско-шведской войны, Екатерина была представлена доброжелательной по отношению к Швеции монархиней, и никакими историческими аналогиями упоминание ее имени, как правило, не сопровождалось. В произнесенной Петером Юкенбергом в Упсале 29 июля 1777 года «Речи на счастливое возвращение Его Королевского Величества из заграничного путешествия» (из знаменитой поездки Густава III в Петербург) говорится, что при дворе «Великой и Великолепной Императрицы» шведский король был принят «честнейшим и достойнейшим образом» [12, с. 1]. Чуть позднее, в 1778 году, автор «Речи на случай Дня Рождения Его Королевского Высочества Кронпринца Густава Адольфа» (сына и наследника Густава III, будущего короля Густава IV Адольфа) Эрик Микаэль Фант высказал предположение, что если бы «в наше время» на шведском троне оказалось бы до времени зашедшее «утреннее солнце», северная «амазонка» королева Христина, она снискала бы «всеобщее почтение» и ее упоминали бы с тем же удивлением, что и нынешнюю Екатерину, «которая владеет целым миром» [7, с. 4]. В «Речи, произнесенной 19 августа 1786 года в Королевском научном и литературном обществе» Г. А. Тайарден рассуждает о природе деспотизма, находит давно замеченное в Европе сходство между Россией и Турцией, но объявляет при этом, что «правящая в России императрица старается сделать свой народ более человечным и смягчить деспотизм» [11, с. 17].

Подобные отзывы о российской императрице были бы ожидаемы в шведских сочинениях, посвященных заключению мира между двумя странами в 1790 году, когда, по словам Державина, «орлы и львы соеди-

нились», «поцеловался с Шведом Росс», а Густав объявлял, что главной причиной прекращения военных действий стала его неистребимая симпатия к родственнице и правительнице соседнего государства. Между тем в большинстве шведских текстов на варельскую тему рассказывается лишь о недавних военных успехах короля «Густава III и Великого» и преодоленных им и его народом трудностях. Об этих трудностях доцент абосского университета Александр Ингман размышлял всего за несколько месяцев до окончания войны: по его словам, тогда «мы жили между страхом и надеждой: спокойствию Европы угрожал наш сосед и старинный наследственный враг, который через насилие и хитрость искал и продолжает искать способ погубить наше Отечество» [9, с. 7]. В произнесенной в 1790 и изданной в 1791 году речи А. Г. Экеберга «На мир между Швецией и Россией» последовательно рассказывается о шведских победах на море (где «храбрый брат Густава» герцог Карл Зюндерманландский, впоследствии король Карл XIII, нанес русскому адмиралу Грейгу «смертельную рану») и на суше (где все «началось так же весело и с военным грохотом» и где «нашей рукой скоро были разрушены гордые стены») [6, с. 7]. В стихотворной «Речи на мир в Вареле в 1790 году между Швецией и Россией», произнесенной в Лундской королевской академии Е. П. Эльфом и изданной в 1793 году, кроме прочего, отмечается, что «колоссальное тело» России делает ее похожей на Римскую империю, однако при огромном росте она обладает отнюдь не римскими мускулами [13, с. 8]. Рассуждая о неудаче России в последней войне, Эльф обращается к самой российской императрице: «Екатерина! На холсте памяти потомки увидят, что эта тень помрачает день твоей славы» [13, с. 10]. В разговор с Екатериной II Эльф вступает неоднократно и в одном из таких фрагментов своего текста называет главную, по его мнению, предшественницу нынешней монархини на российском троне — древнерусскую княгиня Ольгу («Екатерина! Ты долго показывала Европе, что в веках сохранилась еще одна Ольга...») [13, с. 9].

Можно предположить, что упоминание в сочинении Эльфа княгини Ольги связано с его интересом к общим русско-скандинавским древностям. Известно, что в скандинавском происхождении первых русских князей шведские историки XVIII века не сомневались и продолжали находить новые тому подтверждения: в предисловии к шведскому изданию исландской «Саги об Ингваре Видтфарне и его сыне Свене» (Стокгольм, 1762) Нильс Брокман отмечает, что мужа Ольги Игоря Рюриковича звали Ингварь Рёриксон, «премьер-министра

России звали Асмунд, а высочайшего военачальника Свенальд, что также свидетельствует о варегинском или северном происхождении этих чиновников» [10, с. 30]. Однако скандинавские аллюзии в этом фрагменте стихотворения Эльфа отсутствуют, древнерусская княгиня названа Ольгой, а не Хельгой, и следом за ней упоминается Петр I («благодарное потомство воздвигнет тебе монумент, который будет стоять по соседству с установленным тобой памятником Петру»). Лишь из дальнейших рассуждений Эльфа становится понятно, на каком основании он считал возможным уподобить нынешнюю императрицу древнерусской княгине.

О деяниях княгини Ольги шведский стихотворец Эльф мог узнать из опубликованного в журнале З. Г. Миллера *Sammlung russischer geschichte* и известного в Швеции пересказа Повести временных лет. Почти за 30 лет до выхода стихотворения Эльфа в том же предисловии к изданию «Саги об Ингваре» Брокман цитировал это издание и отмечал, что «профессор Миллер в Петербурге взял из труда этого автора (Нестора-летописца — *М. Л.*) более подробное извлечение, чем имелось раньше» и что необходим «полный и надежный перевод всей хроники Нестора» [10, с. 30]. Естественно, Эльф прекрасно знает, что основным качеством княгини Ольги являлась поразительная мудрость, и о мудрости новой Ольги — императрицы Екатерины он вспоминает в своем стихотворении: «Ты Платона, Монтескье и Рейналя спрашивала, какие законы для твоего народа даст твоя мудрость?» [13, с. 9]. В том же фрагменте Эльф настаивает, что российская императрица посылала в сторону соседей «недоверчивый взгляд» и «хотела вмешиваться в их судьбу», по всей видимости, вновь вспоминает воинственную русскую княгиню. По Эльфу, мудрость и воинственность — качества, присущие княгине Ольге и императрице Екатерине и позволяющие говорить о полном подобию этих персонажей русской истории.

В России эпохи Екатерины II с отмеченной аналогией были хорошо знакомы, видели в обеих знаменитых монархинях равновеликих героинь и в отождествлении Екатерины с Ольгой находили способ прославить отечественную императрицу. В самом конце столетия, в 1795 году, «служитель госпожи Нарышкиной» Иван Васильевич Нехачин в своей исторической хронике, получившей название «Новое ядро российской истории от самой древности россиян и до нынешних дней благополучного царствования Екатерины II Великой», от-

мечал, что Ольга: «первая из женского пола в России народом управляла, но с толикою славою, что казалось, как бы она прообразовала могущество и счастье Российского скипетра в руках ея пола» [Цит. по: 1, с. 154]. Правда, как и в случае с мужеубийцей Семирамидой, сравнение Екатерины с добровольно уступившей трон сыну Ольгой бесспорно панегирическим выглядеть не могло. По принятому большинством отечественных исследователей мнению Л. И. Кулаковой, исключительно по этой причине не была закончена и поставлена трагедия Я. Б. Княжнина «Ольга» [3, с. 140]. В России отождествление Екатерины с Ольгой давало основание для самых полярных оценок деяний современной монархини и использовалось в сочинениях различных, не обязательно литературных и не обязательно панегирических, жанров. Шведский же автор сравнивает обеих российских монархинь в произведении, относящемся, скорее, к разряду победословий, обращается к агрессивной, но просчитавшейся правительнице «соседственного» государства, и, естественно, меньше всего намерен ее прославить. Правда, врагом Швеции императрица Екатерина не являлась ни в момент создания (1790), ни в момент издания (1793) стихотворения Эльфа, и ее сопоставление с не получившей прямой авторской характеристики княгиней Ольгой могло (вероятно, должно) было вызывать у сведущего шведского читателя целый комплекс самых разнообразных (хотя и едва ли связанных с ситуацией при российском дворе) ассоциаций. Как и Ольга, Екатерина — правительница великая, мудрая, но доставляющая беспокойство миролюбивым соседям.

Очевидное, но требующее специального разъяснения сходство двух исторических героинь уподобляет указанный фрагмент стихотворения Эльфа популярным в Европе XVIII в. сравнительным жизнеописаниям. Знаменитому датскому комедиографу, моралисту и историку Людвигу Хольбергу принадлежит книга, в русском переводе названная «История разных героинь и других славных жен» (СПб., 1767–1768). В этом сочинении по образцу книги Плутарха представлены пары пространных биографий схожих между собой и живших в разное время знаменитых женщин: «Семирамиды Севера» датской королевы Маргариты и королевы английской Елизаветы, матери Нерона Агриппины Младшей и Екатерины Медичи, Клеопатры и Анны Болейн, возлюбленной датского короля Христиана II голландки Сигбритты и жены турецкого султана Ахмета I «Хиозы или Кизем», ан-

глийских королев «Марии I и Марии II», «девятидневной королевы» Англии Джейн Грей и дочери датского короля Христиана IV Элеоноры Христины, Марии Стюарт и Христины, королевы Швеции, жены Ирода Великого Мариамны и матери Калигулы Агрипины Старшей, дочери Агриппы I Вереники и Маргариты Валуа, «Иоганны д'Арк, или Девыцы Орлеанской» и Антуанетты Бургон, участницы Фронды Анны-Марии-Луизы Монпансье и племянницы кардинала Мазарини Гортензии Мазарини. В книге датчанина Хольберга среди величайших героинь древнего и нового времени преобладают северянки, хотя правительниц России среди них нет. Зато в другой своей работе, в «Сравнении жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей по примеру Плутархову» он сопоставляет биографии не только Петра I и Великого Могола Акбара, но и Екатерины I и царицы Пальмиры Зенобии. В отличие от королевы Христины, к правительнице традиционно дружественной Дании России Хольберг относится чрезвычайно доброжелательно. В заключении сравнительного жизнеописания Екатерины Алексеевны и Зенобии Пальмирской он отмечает, что обе его восточные героини были женами великих монархов, что пальмирская царица была более великой на войне, а российская монархиня — в мире и что бедная девочка, обвенчанная с простым унтер-офицером, со временем стала одной из величайших правительниц Европы [8, с. 398].

Примечательно, что русский читатель не имел возможности познакомиться с хольберговскими биографиями Петра и Екатерины: говоря о жизнеописаниях Петра и Акбара, русский переводчик замечает, что в России биография Петра хорошо известна, в датской версии изложена с ошибками, а потому оставлена без перевода; сравнительные же жизнеописания Екатерины и Зенобии на русский язык не переводились никогда. Следовательно, если о возможном отождествлении Петра Великого и Великого Могола в России слышали, то о сходстве Екатерины и Зенобии знали далеко не все. Русские панегиристы XVIII в. не уподобляли Екатерину I ни Пальмирской царице Зенобии, ни хорошо известной из «Синописа» Инокентия Гизеля «княгине Киевской и всея России» Ольге. По мысли авторов, русских и европейских, Екатерина I была женой великого монарха, который не имеет ничего общего с пассивным и корыстолюбивым князем Игорем Рюриковичем. Она продолжает дело Петра Великого, является его своеобразным воплощением и потому вопреки первоначальным ожиданиям, принципиально отли-

чается от Екатерины II. Кажется вполне логичным, что отечественные авторы среди предшественниц Екатерины I предпочитают видеть героинь, доказавших свою любовь и преданность к супругу — великому монарху, в первую очередь — библейскую Эсфирь.

Один из немногочисленных панегириков короткого правления Екатерины I принадлежит братьям Петру и Якову Мировичам (детям мазепинца, отца и дяди известного заговорщика, пытавшегося освободить и возвести на российский престол Ивана Антоновича). Стихотворение создано в 1725 году и имеет название «Пяточисленный Екатерининаго целомудрия венец: в торжественный ея день достойнейшия любви, мудрости, трудов, верности и благополучнаго правления плоды». В главе («плоде») пятой эта аналогия упоминается очень часто: «Есфир во свое время Мзду своего дѣла венцем чрез венчанную главу получила», «Небезизвѣстны дѣла суть новой Есфири Императорствующей в Цесарской порфири», «Обнадеживает ю Есфирь преизбранна Екатерина вѣнцем достойно вѣнчанна» [4, л. 7–7 об.]. Шведских сочинений, посвященных счастливому правлению великой женщины, наследующей своему великому предшественнику, существует множество. В XVII – первой половине XVIII в. об этом писали в связи с восшествием на престол дочери короля Густава II Адольфа Христины и сестры Карла II Ульрики Элеоноры. Как следует из письма В. Н. Татищева И. А. Черкасову от 9 апреля 1725 года, знаменитой шведской поэтессе С. Э. Бреннер принадлежит некий стихотворный панегирик Екатерине I (по словам Татищева, Бреннер отказывается написать похвальные стихи Петру I, поскольку «на посланную от нее к коронации ее величества никакой отповеди получить не могла, того ради оное до днесь не напечатано» [Цит. по: 5, с. 74]). Трудно сказать, сопоставляла ли «северная Сафо» в своем не дошедшем до нас торжественном стихотворении новую российскую правительницу с ее знаменитыми предшественницами, а если сопоставляла, то с кем именно, с Семирамидой, Зенобией, Эсфирью или княгиней Ольгой. Известно, что для русских панегиристов Екатерина II — не единственная и не первая отечественная монархиня, историческим прототипом которой объявлялась мудрая древнерусская княгиня Ольга. На вопрос же, находили ли скандинавские авторы новую княгиню Ольгу среди российских правительниц доекатерининского периода, и не является ли Екатерина II первой или единственной российской монархиней, отождествленной север-

ными писателями с российским же прототипом, имеющийся в нашем распоряжении скандинавский материал ответа пока не дает.

Список литературы и источников:

1. *Артемова Т.* Идея истории в России 18 века // *Философский век. Альманах* 4. СПб., 1998.
2. *Люстров М.* Шведский король Густав III о Екатерине II: порочная Семирамида или добродетельная Изабелла // *Екатерина Великая: писатель, историк, филолог. Сборник научных работ, подготовленный по материалам IV научных чтений, посвященных творчеству Екатерины II. М., 2011.*
3. *Моисеева Г.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
4. ОР РНБ. Ф. Эрм. №210.
5. *Шарынкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980.
6. *Ekeberg A. G.* Öfver Freden emellan Sverige och Ryssland. Tal hållit of-fentligen på Uplands Nations Väggar i Upsala den 29 oct. 1790. Upsala, 1791.
7. *Fant E. M.* Tal I Anledning af Hans Kongl. Höghet Kron-Prinsens Gustaf Adolfs födelse. Upsala, 1778.
8. *Holberg L.* Samlede skrifter. København, 1931.
9. *Ingman A.* Tal vid tillfälle af Förenings och Säkerhets Actens firande i Åbo den 3:die April 1790, hållit I Kongl. Academiens öfre Lärosalen af Alexander Ingman, Docent i Poësi. Åbo, 1790.
10. Sagan om Ingvar Widtfarne och hans son Swen. Från gamla Isländskan öf-wersatt och undersökning om våre runstenars ålder, i Anledning af samma Saga, samt företal om Sagans trovärdighet; hwaruti de förr hos oss Utgifna Sagors Wärde tillika stadfästes. Altsammans, til Nordiska Historiens och Språkets För-bättring, utgifwet af Nils Reinhold Brockman. Stockholm, 1762.
11. *Tayarden G. A.* Tal på den 19 aug. 1786 hållet för Kongl. Wettenskaps och Witterhets samhället i Götheborg. Götheborg. 1787.
12. *Yckenberg P.* Tal öfwer Hans Kongl. Maj: ts Konung Gustav III Lyckeliga Hemkomst från dess Utländska Resa Den 29 Julii 1777 På Upsala Stads Caval-erie Corps Begäran Ut i Stora Rådhus Salen. Uppsala. 1777.
13. *Ålf E. P.* Tal öfwer ingångne Freden wid Werele emellan Swerige och Rys-land hållet wid Kongl. Akademien i Lund uti en Skalde-gång. Lund. 1793.